

МОНГОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Проанализированы политические взаимоотношения России и Монголии в годы Первой мировой войны, основанные на материалах Государственного архива Иркутской области. Исследованы архивные документы, ранее не освещавшиеся в печати. Авторы приходят к выводу о том, что в связи с сокращением дотаций в пользу Монголии, к началу Февральской революции 1917 г. Россия теряет столь значимую ранее сферу влияния в данном регионе, что позволило Китаю, напротив, укрепить свои позиции и возобновить экономически выгодные торговые отношения с Монголией.

Ключевые слова: Первая мировая война; Монголия; Россия; Китай; правительство; секретная телеграмма; Пекин.

Начавшаяся летом 1914 г. общеевропейская война, впоследствии ставшая Первой мировой войной, способствовала отвлечению внимания российского правительства от дальневосточного вектора внешней политики.

Ситуация же на Дальнем Востоке, после крушения в 1911–1912 гг. в результате Синьхайской революции маньчжурской династии в Китае и появлении Китайской республики, была напряженной. Окраины Цинской империи в результате политических волнений приобрели самостоятельность, в том числе и Внешняя Монголия. Россия поддержала автономное правительство в Северной (Внешней) Монголии, которое располагалось в Урге. Между Ургой и Петербургом были установлены дипломатические отношения. В 1913 г. Россия оказывала давление как на Монголию, так и на Китай с целью усиления своих экономических позиций в этих странах. Если монгольские власти в Урге охотно пошли на контакт с российским правительством и предоставили Петербургу право строительства как шоссейно-гравийных, так и железных дорог в Монголии, то Китай разрешил строительство дорог на своей территории только международному синдикату, в который входили ведущие страны мира [1. С. 160].

В августе 1914 г. Петербург ослабил свое давление на Пекин, так как позиция нейтралитета Китайской Республики для России была важнее экономических выгод в этой стране.

Кроме этого Петербург решил отказаться от планов полного отделения Монголии от Китая и пошел на сохранение в Монголии режима *status-quo*.

Согласно секретной телеграмме дипломатического агента в Монголии от 19 августа 1914 г. за № 272, монголы просили предоставить им оружие. Так как российская дипломатия в это время была нацелена на мирное разрешение конфликта, им было отказано в предоставлении оружия «до окончания войны» [2. Д. 165. Л. 30].

Что касается редакции статьи о железнодорожном сообщении Монголии и России, то, как свидетельствует секретная телеграмма министра иностранных дел на имя дипломатического агента в Монголии в Кяхту от 29 августа 1914 г. № 2565, российская сторона замораживала этот проект, но требовала от монгольского правительства, чтобы те не вели подобных переговоров с третьей стороной. За это российское правительство передавало монгольскому трехмиллионную ссуду в рублях [Там же. Д. 167. Л. 30].

В ответ на это китайский посланник сделал через своего секретаря следующее устное заявление: «Китайское Правительство осведомилось о заключении Императорским Правительством с Монголией железнодорожного соглашения. По мнению Китайского Правительства этот вопрос является политическим. Поэтому <...> Китайское Правительство отказывается признать его» [2. Д. 167. Л. 4].

В секретной телеграмме министра иностранных дел России на имя дипломатического агента в Монголии в Кяхту от 26 ноября 1914 г. за № 4184 давались инструкции российскому представителю на запланированных переговорах в Кяхте между Россией, Китаем и Монголией: «Можете сделать на конференции следующее заявление: Созданное Пекинской декларацией для Внешней Монголии положение автономной во внутреннем управлении страны дает Монгольскому Правительству право самостоятельного распоряжения в таких внутренних делах, как железнодорожное, почтовое и т.п., а следовательно, и право заключать по этим вопросам соглашение с соседними государствами. К этому принципиальному вопросу, решенному Пекинской декларацией, излишне возвращаться при происходящих ныне в Кяхте переговорах, имеющих целью развития; а также оформить вопросы, возникающие из принципиального признания автономии Внешней Монголии. Наш Представитель на Кяхтинской конференции не уполномочен поэтому обсуждать вопросы об ограничении автономного Монгольского Правительства в сфере его деятельности по таким делам внутреннего управления, как почтовое, железнодорожное и т.п.» [Там же. Л. 10].

Из секретной телеграммы министра иностранных дел на имя посланника в Пекин от 27 ноября 1914 г. за № 4216 очевидно, что китайский посланник сообщил российскому о содержании телеграммы Вай-цзяо-бу (Министерство иностранных дел Китая), где ему поручалась просить российскую сторону подтвердить письменно, что, во-первых, Китайское правительство имеет право заключить с Монгольским правительством железнодорожное соглашение, подобное российскому. Во-вторых, содержащееся в 5-й статье русско-монгольского железнодорожного соглашения обязательство Монгольского правительства о выдаче какой-либо концессии на железную дорогу должно разрешаться не только Россией, но и Китаем [Там же. Л. 12].

В ответ на это российская сторона ответила, что железнодорожное дело во Внешней Монголии относится к области, «в которой монгольское правительство самостоятельно» [2. Д. 167. Л. 12]. Отсюда вытекало, что Монгольское правительство имело право заключить с Китайским правительством железнодорожное соглашение, аналогичное русско-монгольскому, при условии, что оно не противоречит последнему. Однако, подчеркивали российские дипломаты, железные дороги могли строиться только на средства Монгольского правительства. Последняя уловка сводила на нет требование Китая на равноправное положение России и Китая в железнодорожном строительстве в Монголии.

Как впоследствии отмечалось в секретной телеграмме министра иностранных дел на имя дипломатического агента в Монголии от 22 октября 1915 г. за № 5470, позиция России в отношении монголо-китайских контактов базируется на том, чтобы они «носили чисто формальный характер» [Там же].

Несмотря на то что российским властям удалось удержать в 1914–1915 гг. российское влияние в Северной Монголии – в Урге, в Восточной Монголии – Барге, позиции были сданы в пользу Китая.

Так, секретная телеграмма министра иностранных дел на имя посланника в Пекине от 31 января 1915 г. за № 577 предлагала в обмен на ввод китайских войск в Баргу договориться о принципиальном обязательстве Китайского правительства компенсировать понесенные российскими золотопромышленниками в этом регионе убытки [Там же].

Кроме того, министр планировал добиться компенсации для тех российских предпринимателей, которые произвели разведку золотых месторождений, истратили на это большие суммы «и были в праве требовать, чтобы найденное ими золото было отдано им для разработки» [Там же. Л. 20].

Как видно из секретной телеграммы министра иностранных дел России на имя посланника в Пекине от 18 мая 1915 г. за № 2541, отстаивание российских экономических интересов в пограничной зоне являлось основной целью деятельности российских консулов в Монголии и Маньчжурии. Также связь с местными монгольскими и китайскими властями была необходима российским консулам не только в силу их официальной самостоятельности в хозяйственных делах вверенного им края, но и для установления деловых контактах в повседневной практике выполнения коммерческих договоров китайцев и россиян [Там же. Л. 24].

В секретной телеграмме министра иностранных дел на имя посланника в Пекине и дипломатического агента в Монголии от 29 июля 1915 г. за № 3876 говорилось о ноте китайских делегатов на конференции Монголии, России и Китая в Кяхте, согласно которой монголам даровалась полная амнистия. Это, по мнению российских дипломатов, могло толковаться в том смысле, что князьям Внутренней Монголии (территории, захваченной войсками Китайской республики в ходе Монгольско-китайской войны 1911–1913 гг.) должны быть возвращены все эко-

номические права, которыми они ранее пользовались [2. Д. 167. Л. 25].

Секретная телеграмма дипломатического агента в Монголии от 29 октября 1915 г. за № 271 свидетельствует, что в случае несговорчивости китайских делегатов на предстоящей телеграфной конференции монгольские делегаты предполагали бы применить угрозу закрытия монгольской телеграфной линии, однако российская сторона не дала реализоваться этой идее, так как через телеграфную линию в Монголии и Китае российская сторона обменивалась сообщениями с союзниками по блоку «Антанта» [Там же. Д. 165. Л. 42].

Другая же секретная телеграмма министра иностранных дел России на имя дипломатического агента в Монголии от 20 октября 1915 г. за № 5436 гласила: «По соглашению от 17 сентября минувшего года выдаваемая нами монгольскому правительству ссуда должна поступать в монгольское казначейство, организуемое русским советником, и расходоваться по особым, одобренным нами сметам исключительно на культурные задачи. Чтобы настаивать перед монголами на неукоснительном соблюдении этого соглашения, мы должны также избегать его нарушений. Поэтому выдача займа денег из нашей трехмиллионной суммы нежелательна. Скорее можно говорить о выдаче отдельным монголам ссуд из Монгольского Банка под гарантию Императорского Правительства, если данная ссуда будет признана политически нужной. Как правило, мы, конечно, не можем проводить нашу политику в Монголии путем раздачи денег влиятельным монголам. Желающих получить от нас деньги найдется так много, что такой образ действий поглотил бы слишком большие суммы, ибо опыт показывает, что на возврат таких ссуд нельзя рассчитывать» [Там же. Д. 167. Л. 28].

Раскрывается этот вопрос в секретной телеграмме министра иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии от 28 октября 1915 г. за № 5558. В ней говорится: «Из лишних объяснений с Ермолаевым выяснилось, что Монголобанк относится сочувственно к выдаче денег надежным монголам, если на то имеется согласие Монгольского Правительства. Правление Монголобанка уже разрешил Ургинской Конторе выдать ссуды Министру Юстиции Монголии.

Если Вы считаете желательной ссуду Чай чжи-ламе (брату Хутухты – правителю Монголии), то не имеем препятствий, чтобы Вы рекомендовали его Монголобанку» [Там же. Л. 32].

Из содержания секретной телеграммы дипломатического агента в Монголии от 25 октября 1916 г. за № 268 следует, что брат Хутухты – Чончжи-лама нуждался в деньгах, и Миллер ходатайствовал о выдаче суммы для того, чтобы брат монгольского лидера не обратился к китайскому займу [Там же. Д. 165. Л. 41].

«Наш отказ, – писал дипломатический агент, – от кредитования надежных монголов заставит их обращаться к китайцам и даст монгольскому правительству предлог для разрешения открытия в Монголии китайских банков, в чем, по моим настояниям (правительство Монголии), пока отказывало в надежде на помощь Монгольского Банка» [Там же].

В секретной телеграмме министра иностранных дел на имя управляющего генерального консульства в Урге от 3 декабря 1914 г. за № 4309 говорилось, что основным инструментом российского влияния в Монголии в этот напряженный для России период времени становилась так называемая монгольская бригада, одной из целей организации которой являлось поддержание порядка в стране [2. Д. 107. Л. 15].

Как свидетельствует секретная телеграмма дипломатического агента в Монголии от 19 июля 1915 г. за № 122, новое соглашение о монгольской бригаде с 1 августа 1915 г. было подписано сроком на год.

Проект текста второй статьи: «Начальным сроком существования бригады и настоящего соглашения устанавливается 1 августа текущего 1915 г., причем к этому сроку в ряды бригады должны быть зачислены 200 цыриков, считая в том числе 25 сверхсрочных дарганаров из состава нынешней бригады. Эти 200 цыриков прослужат в рядах бригады до 1 октября текущего года. 1 сентября текущего года в ряды бригады должны быть зачислены 200 новобранцев по выбору Начальника русских инструкторов из призванного Правительством автономной Монголии контингента. Цырики эти должны прослужить в рядах бригады шесть месяцев, то есть до 1 марта 1916 г. 1 октября текущего года должны быть зачислены в ряды бригады 200 новобранцев, которые должны прослужить в рядах бригады до 1 апреля 1916 г. 1 марта и 1 апреля 1916 г. должны быть зачислены тем же порядком в ряды бригады по 200 новобранцев в каждый срок, которые должны прослужить в рядах бригады до 1 августа 1916 г. Следовательно, в течение времени с 1 августа 1915 г. по 1 августа 1916 г. Правительство Автономной Внешней Монголии обязывается поставить 800 новобранцев: по 200 человек к 1-му сентября, 1 октября 1915 г., к 1 марта и 1 апреля 1916 г.» [Там же. Д. 165. Л. 36].

Силовой, а не финансовый инструмент постепенно становился основным в политике распространения российского влияния в Монголии. Сокращение российских дотаций привело к тому, что в 1916 г. Автономное Правительство Монголии решило упразднить дорого обходившуюся канцелярию Совета председа-

теля главных начальников, ограничить число монгольских чиновников. Было решено уменьшить жалование главным начальникам с 8 до 7 лан в сутки, а их товарищам с 7 до 6 лан (1 лан – это в то время от 1 руб. 45 коп. до 1 руб. 75 коп.) [2. Д. 165. Л. 39]. Главное управление духовных дел было упразднено. Таможенное ведомство (Гайли-ямынь) включено в Управление финансов в виде отделения по взиманию торговых и иных сборов.

Монголы сделали приготовления для беспрепятственного проезда в Ургу уже приехавшего в Кяхту со штатом из 36 лиц китайского комиссара во Внешней Монголии – Чен Лу. Начальник его канцелярии Фан Цигуань с авангардом из 10 китайцев ранее приехал в Ургу. Для китайского комиссара был отведен, согласно Кяхтинскому соглашению, вполне хороший и подходящий дом в Маймачене, заново отремонтированный Автономным Правительством [Там же. Л. 40].

В секретной телеграмме дипломатического агента в Монголии от 20 июля 1916 г. № 220 говорилось: «Предположительные изменения организации монгольской бригады не могут состояться, так как Монгольское Правительство, несмотря на мои настояния, не приступило к постройке в Урге ни казарм, ни помещений для наших инструкторов. Ссылаясь на необходимость экономии, монголы просят уменьшить число наших нижних чинов-инструкторов с 16 до 10.

Я не согласился с этим, указав на то, что экономия достигнута в виду наличия в бригаде с начала войны 3 офицеров вместо 6. Переговоры остановлены отъездом из Урги в отпуск Свин-Ноин-Хана, всячески уклонявшегося раньше от ведения таковых» [Там же. Л. 46].

Таким образом, накануне Февральской революции 1917 г. российские позиции в Монголии из-за сокращения финансирования российским правительством монгольского были ослаблены. Уменьшение обменного курса рубля в годы Первой мировой войны вызвали у российского сателлита – Монголии желание возобновить торговые отношения с прежним союзником – Китаем. Вместо «мягкой силы» накануне революционного периода российское влияние в Урге базировалось в основном на созданной кавалерийской бригаде, подчиненной российским инструкторам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Синиченко В.В. Политическое влияние Японии в Китае накануне и в годы Первой мировой войны: позиция России // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 159–168.
2. Государственный архив Иркутской области. Ф. 25. Оп. 11.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 мая 2016 г.

THE MONGOLIAN PROBLEM DURING THE FIRST WORLD WAR (BASED ON MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE OF IRKUTSK OBLAST)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 134–137.

DOI: 10.17223/15617793/408/20

Sinichenko Vladimir V. East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: raysa@mail.ru

Izakson Raisa A. East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: raysa@mail.ru

Keywords: First World War; Mongolia; Russia; China; Government; secret message; Beijing.

The article analyses the political relations between Russia and Mongolia during the First World War. This study presents documents from the State Archive of Irkutsk Oblast that has not been covered earlier. It is evident that the weakening of Russian

influence over Mongolia is noticed because of funding cutbacks. Therefore, China firms its role in Mongolia in terms of dynamic economic collaboration. Previously China repeatedly maintained its position in this region not only in foreign affairs, but also in the field of internal management such as post, railway, etc. However, Russian subsidies over Mongolia paralyzed all the movements of Beijing. The authors pay attention to the dynamics of the processes of the foreign policy in this area. They cite historical documents that have been examined during the work; analyse the causes and circumstances that lead to the change of the sphere of influence in the region; identify the positive and negative aspects of all processes to adopt the previous historical practices in the modern period of the development of our state. So, this study presents the secret documents of correspondence between the government agencies of Russia and China, Mongolia and China, Mongolia and Russia, and gives solutions to questions raised earlier. Thus, the detailed study of archival documents led to a conclusion that the power, not the financial instrument gradually became the main policy in the spread of Russian influence in Mongolia: the reduction of Russian subsidies led to the fact that the Autonomous Government of Mongolia decided to abolish the expensive Office of the Chairman of the Board of Superiors in 1916, to limit the number of Mongolian officials. In addition, the decrease in the exchange rate during the First World War made the Russian satellite, Mongolia, wish to resume trade relations with the former suzerain, China. Instead of “soft power”, on the eve of the revolutionary period Russian influence in Urga was based mainly on the established light horse brigade subordinate to Russian instructors. The study of the topic shows one more side of the foreign policy of the Russian state during the First World War that was previously incompetently disclosed in the media.

REFERENCES

1. Sinichenko, V.V. (2014) Politicheskoe vliyanie Yaponii v Kitae nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny: pozitsiya Rossii [The political influence of Japan in China before and during World War I: the position of Russia]. *Vestnik arkhivista – Herald of an archivist*. 3. pp. 159–168.
2. State Archive of Irkutsk Oblast. Fund 25. List 11. (In Russian).

Received: 20 May 2016